

2026, № 09 (сентябрь)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 261241

DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11241

УДК 374.7

Неформальное образование как фактор перехода от дефицитной к ресурсной модели здоровьесбережения людей серебряного возраста

Non-formal Education as a Factor in the Transition from a Deficit to a Resource-Based Model of Health Preservation for Older Adults

Автор статьи

Родионова Виктория Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры управ-
ления образованием и кадрового менеджмента Инсти-
тута экономики и управления ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический университет им. А. И.
Герцена», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
virodion@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0818-8832

Author of the article

Victoria A. Rodionova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Education Management and Human Re-
source Management, Institute of Economics and Man-
agement, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation
virodion@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0818-8832

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Родионова В. А. Неформальное образование как фак-
тор перехода от дефицитной к ресурсной модели здо-
ровьесбережения людей серебряного возраста // Научно-методический электронный журнал «Кон-
цепт». – 2026. – № 09. – С. 180–197. – URL: [https://e-
koncept.ru/2026/261241.htm](https://e-koncept.ru/2026/261241.htm) – DOI: 10.24412/2304-
120X-2026-11241

For citation

V. A. Rodionova, Non-formal Education as a Factor in the
Transition from a Deficit to a Resource-Based Model of
Health Preservation for Older Adults // Scientific-methodo-
logical electronic journal "Koncept". – 2026. – No. 09. –
P. 180–197. – URL: [https://e-
koncept.ru/2026/261241.htm](https://e-koncept.ru/2026/261241.htm) – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11241

Поступила в редакцию <i>Received</i>	23.06.26	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	24.07.26
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	24.07.26	Опубликована <i>Published</i>	30.09.26

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемым в национальных проектах РФ переходом к ресурсной модели здоровьесбережения людей серебряного возраста и сохраняющейся в реальной практике доминантой дефицитного подхода, при котором образование не рассматривается как системообразующий фактор активного долголетия. Отсутствие педагогически обоснованной ресурсной модели, базирующейся на неформальном образовании, создает разрыв между научным знанием и реальными потребностями государства, образования и самого человека. Цель статьи – педагогически обосновать ресурсную модель здоровьесбережения людей серебряного возраста, в которой неформальное образование выступает системообразующим фактором активного долголетия. Методологическая база включает системный, ресурсный и андрагогический подходы. Используются теоретические методы: анализ литературы, сравнительно-сопоставительный анализ дефицитной и ресурсной моделей, контент-анализ федеральных и региональных программ («Старшее поколение», «Московское долголетие», «Серебряный возраст») по пяти критериям. Эмпирический анализ показал, что ни в одном из проанализированных документов образование не рассматривается как системообразующий фактор здоровьесбережения. Выявлены три типа моделей: дефицитная (ориентированная на компенсацию утрат), смешанная (соединяющая медицинский подход и информирование) и ресурсная (включающая образование как элемент). Теоретический анализ подтверждает, что неформальное образование (добровольное, практико-ориентированное, гибкое, обеспечивающее социальную поддержку и психологическую безопасность) обладает потенциалом стать системообразующим фактором перехода к ресурсной модели. Предложена концептуальная схема ресурсной модели, включающая четыре компонента (когнитивный, деятельностный, социальный, смысловой) и циклический механизм их реализации. Теоретическая значимость заключается в педагогическом обосновании ресурсной модели здоровьесбережения, где неформальное образование выступает системообразующим фактором активного долголетия. Практическая значимость состоит в том, что предложенная схема может служить основой для проектирования образовательных программ и оценки их эффективности. Дальнейшие исследования будут направлены на содержательное наполнение компонентов, разработку диагностического инструментария и эмпирическую апробацию модели.

Ключевые слова

серебряный возраст, здоровьесбережение, ресурсная модель, неформальное образование, активное долголетие, субъектная позиция, федеральные проекты

Благодарности

Автор выражает благодарность д. п. н., профессору Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Сергею Юрьевичу Трапицыну за ценные рекомендации и поддержку идеи исследования.

Abstract

The relevance of the study is due to the contradiction between the declared transition in Russian national projects to a resource-based model of health preservation for older adults and the persistent dominance of the deficit approach in actual practice, in which education is not considered as a system-forming factor of active longevity. The absence of a pedagogically grounded resource-based model based on non-formal education creates a gap between scientific knowledge and the real needs of the state, education, and the individual. The aim of the article is to pedagogically substantiate a resource-based model of health preservation for older adults, in which non-formal education acts as a system-forming factor of active longevity. The methodological framework includes systemic, resource-based, and andragogical approaches. Theoretical methods were used: literature analysis, comparative analysis of deficit and resource-based models, content analysis of federal and regional programmes ("Older Generation", "Moscow Longevity", "Silver Age") according to five criteria. The empirical analysis showed that education is considered as a system-forming factor of health preservation in none of the analysed documents. Three types of models were identified: deficit (focused on compensating losses), mixed (combining medical approach and information), and resource-based (including education as an element). Theoretical analysis confirms that non-formal education (voluntary, practice-oriented, flexible, providing social support and psychological safety) has the potential to become a system-forming factor in the transition to a resource-based model. A conceptual scheme of the resource-based model is proposed, including four components (cognitive, activity-based, social, and meaning-oriented) and a cyclic mechanism for their implementation. The theoretical significance lies in the pedagogical substantiation of the resource-based model of health preservation, where non-formal education acts as a system-forming factor of active longevity. The practical significance is that the proposed scheme can serve as a basis for designing educational programmes and evaluating their effectiveness. Further research will be aimed at the substantive content of the components, the development of diagnostic tools, and empirical testing of the model.

Key words

silver age, health preservation, resource model, non-formal education, active longevity, subjective position, federal projects

Acknowledgements

The author expresses gratitude to Sergey Yu. Trapitsyn, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Herzen State Pedagogical University of Russia for his valuable recommendations and support of the research idea.

Введение / Introduction

Процесс глобального старения населения – один из важнейших в современной демографической ситуации. По данным Всемирной организации здравоохранения, опубликованным в информационном бюллетене «Старение и здоровье» [1], к 2050 году население планеты в возрасте старше 65 лет удвоится, составив 2,1 млрд человек. Эта мировая демографическая тенденция проявляется и в Российской Федерации. Согласно исследованию специфики человеческого капитала, реализованному

В. А. Варфоломеевой [2], возрастная пирамида населения России трансформируется из прогрессивного типа в регрессивный, при котором доля людей старше 55 лет значительно увеличивается относительно молодежи. Социологи, демографы и экономисты активно вводят в научный и социальный лексикон понятие «серебряный возраст». Исследование, проведенное группой «СберМаркетинг» в 2026 году [3], показывает, что понятие «серебряный возраст», в отличие от формальных дефиниций («пожилой возраст», «третий возраст»), подчеркивает активность, энергичность и потенциал людей в возрасте от 55 до 75 лет. Однако медико-социологическая оценка стратегий здоровьесбережения пожилых людей, проведенная З. Ж. Арстангалиевой и Е. В. Чернышковой [4], анализ особенностей реализации социальных проектов для лиц пожилого возраста, направленных на их здоровьесбережение [5], показывают, что в современной практике здоровьесбережения людей серебряного возраста доминирует модель, ориентированная на компенсацию психофизиологических изменений и утрат (дефицитов), на организацию своевременной медицинской помощи. Эта модель, обозначаемая в медицинской и геронтологической логике как дефицитная, не нацелена на развитие потенциала личности. Для современного россиянина серебряного возраста, который, по данным социологов, воспринимает себя как активного, опытного и полезного обществу человека [6], такая модель оказывается неэффективной. Образование в дефицитной модели здоровьесбережения ограничивается преимущественно информированием и не становится основой для личностных изменений, формирования здоровьесберегающих компетенций.

В то же время зарубежные исследования убедительно доказывают связь неформального образования с активным долголетием. Так, В. Боффо и коллеги, анализируя результаты крупнейшей в Европе междисциплинарной исследовательской программы «Благополучное старение в стареющем обществе» (Ageing Well in an Ageing Society) [7], рассматривают образование как один из системообразующих факторов здорового и активного долголетия. М. Нарусима, Дж. Лю, Н. Дистелькамп в своем обзоре данных о пользе непрерывного образования для здоровья пожилых людей [8] доказывают, что развитие компетенций и социальная вовлеченность повышают качество жизни, когнитивные тренировки способствуют сохранению когнитивного резерва, а обучение в пожилом возрасте положительно влияет на физическое и психическое здоровье.

Российские исследователи также отмечают высокий потенциал неформального образования для людей старшего возраста. Так, С. А. Гаврилова [9], рассматривая возможности синтеза геронтологии и педагогического дизайна при выборе тактик взаимодействия с обучающимися серебряного возраста, подчеркивает, что обучение, опирающееся на жизненный опыт и добровольность, может стать ресурсом активного долголетия. М. Е. Иванова [10] анализирует зарубежный и отечественный опыт образования людей «третьего возраста» и доказывает значимость образования как института ресоциализации.

В российской науке, несмотря на обозначенные предпосылки, до сих пор отсутствует педагогически обоснованная ресурсная модель здоровьесбережения, в которой неформальное образование выступало бы системообразующим фактором активного долголетия – стратегической цели, определенной в национальных проектах РФ. Это создает серьезный разрыв между научным знанием и реальной потребностью государства, образования и самого человека в эффективных инструментах здоровьесбережения.

Цель настоящей статьи – педагогически обосновать ресурсную модель здоровьесбережения людей серебряного возраста, в которой неформальное образование выступает системообразующим фактором активного долголетия.

Обзор литературы / Literature review

В научный оборот вследствие влияния средств массовой информации все более активно входит метафорическое выражение «серебряный возраст» (далее – серебряный возраст), обозначающее людей старше 55 лет и используемое, как правило, в позитивном ключе. Современные исследователи связывают популяризацию этого термина с пересмотром возрастных границ и признанием высокой социальной активности людей старшего поколения. Так, М. Ю. Алешина, проводя анализ использования понятия «серебряный возраст» в медиасфере, отмечает тенденцию к разрушению стереотипа о пожилом возрасте как о «сроке дожития», поддерживаемую средствами массовой информации, социальными сетями, блогами и самими людьми старше 55 лет [11]. В большинстве российских и зарубежных исследований к этой категории относят людей в интервале от 55 до 75 лет, причем возрастная граница в 55 лет чаще используется в прикладных, социальных и маркетинговых исследованиях. Н. Л. Виноградова, Е. Ю. Леонтьева отмечают романтическое звучание определения «серебряный возраст», но относят к этой категории людей в возрасте 60+ [12]. А. Пуйуэло указывает на существование некоего социального стереотипа «серебряного возраста» (Silver Age), который относится ко всем людям в возрасте от 55 до 75 лет [13]. В России нижняя граница серебряного возраста (55 лет) совпадает с предпенсионным возрастом для женщин, а верхняя (75 лет) – с верхней границей целевой аудитории государственных программ активного долголетия. В рамках данного подхода люди серебряного возраста представляются активными, амбициозными, энергичными, заинтересованными в получении новых знаний и способными обращаться с современными технологиями. Сам серебряный возраст в этом контексте осмысливается не как период постепенного угасания, а как возраст возможностей и открытий, что полностью соответствует концепции активного долголетия.

Социологические данные показывают, что в современной российской действительности возраст старше 55 лет связан не только со статусом предпенсионера и ожиданием выхода на заслуженную пенсию, но и с набирающей силу тенденцией активного возвращения на рынок труда. Прежде всего это касается женщин с 55 лет и мужчин с 60 лет – именно с этого возраста начинается предпенсионный период, который, согласно действующему законодательству, длится вплоть до наступления нового, повышенного пенсионного возраста. Согласно данным за 2025 год, работодатели направили 2,5 млн приглашений на работу гражданам старшего поколения – это на 75% больше, чем в предыдущие периоды. Такой спрос вызван общим дефицитом кадров на российском рынке труда, который отмечен, в частности, в «Обзоре рынка труда и заработных плат в России 2025/26» [14]. Все это обуславливает значимость поиска эффективных путей сохранения качества жизни и механизмов здоровьесбережения людей серебряного возраста.

Согласно классическим положениям андрагогики, эффективное обучение взрослых, в том числе людей серебряного возраста, базируется на принципах самостоятельности, опоры на жизненный опыт и практической направленности. В современной российской науке эти принципы получили развитие в монографии С. И. Змеева «Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых» [15], в работах О. В. Гординой, в частности в статье «Обучение человека третьего возраста: специфика и проблемы» [16]. Анализируя корпус классической и современной литературы по проблемам андрагогики, Т. В. Мухлаева [17] подчеркивает, что взрослый человек уже состоялся как личность, способен к осознанному выбору образовательных траекторий, а принципы андрагогики остаются фундаментальной основой образования взрослых.

В исследовании К. Онгкулны и соавторов [18] показано, что обучение повышает уровень самоконтроля у пожилых людей, при этом людям 55+ требуется иной тип обучения, нежели другим возрастным группам. Это обусловлено психофизиологическими возрастными изменениями: замедлением темпа когнитивных процессов, снижением остроты сенсорных функций, психосоциальными потерями (выход на пенсию, потеря близких, сужение круга общения), которые требуют особого подхода в процессе образовательного взаимодействия.

В современной науке вопросы образования людей старшего возраста рассматриваются в рамках педагогической (образовательной) геронтологии – междисциплинарной области, интегрирующей знания педагогики, геронтологии, возрастной психологии и социологии. В структуре педагогической геронтологии ключевая роль принадлежит герогогике (используются также термины «геронтогика» – раздел андрагогики, изучающий образование пожилых людей, и «геронтопедагогика») – теории и практике обучения и воспитания пожилых людей. В рамках этого направления Е. Р. Ярская-Смирнова, Д. И. Присяжнюк [19] предложили ряд принципов образования людей серебряного возраста, которые могут стать основой разработки серебряной экосистемы образования в интересах старшего поколения. Л. С. Киселева [20] утверждает, что геронтообразование должно быть направлено на поиск инструментов активации ресурсов пожилого человека. А Зохар, обосновывая подход, объединяющий герогогику и педагогику [21], отмечает, что особо значимы опора на ресурсы и навыки, которые уже есть у пожилого человека, а не фокус на дефицитах. Предоставление осмысленных задач и достаточно длительного времени для их выполнения; разнообразие и гибкость методов подачи материала; поддерживающая, поощряющая и инклюзивная среда могут, с точки зрения Н. С. Черезовой, Г. У. Матушанского [22], частично решить социально-педагогические проблемы обучения лиц пожилого возраста. Таким образом, герогогика создает теоретический фундамент для перехода в образовании людей серебряного возраста от дефицитной логики к ресурсной, акцентируя внимание не на том, что человек утратил, а на том, чем он обладает сейчас и что может развивать.

В современной педагогической геронтологии сложились две противоположные модели здоровьесбережения, различающиеся представлением о здоровье, роли образования и позиции человека.

Нормативно-медицинский подход, обуславливающий дефицитную модель здоровьесбережения, рассматривает здоровье как отсутствие болезней. Проводя анализ гериатрии, ориентированной на дефициты, и предлагая ресурсный план для здорового старения, С. Роган, Э. Лейккс утверждают, что целью реализации дефицитной модели здоровьесбережения является компенсация утраченных в связи с возрастом физиологических и психических функций, а человек занимает пассивную позицию объекта медицинской и социальной помощи [23]. Образование в этой модели используется фрагментарно – преимущественно в виде санитарно-гигиенического просвещения и информирования о факторах риска. Как показывает исследование А. Морган, Э. Дзильо [24], посвященное обоснованию «модели активов» или ресурсному подходу, дефицитная модель не дает человеку инструментов для самостоятельного управления качеством жизни. В работе Т. Б. Сергеевой и коллег, направленной на исследование личностной ресурсности человека в позднем возрасте, убедительно доказано, что дефицитная модель здоровьесбережения «фокусируется на выявлении про-

блем и потребностей, требующих профессиональных ресурсов и высокой зависимости от больничных и социальных услуг», игнорирует ресурсный потенциал личности (опыт, мотивацию, социальные связи) [25].

В качестве альтернативы дефицитной модели активно формируется иной подход, в основе которого лежит представление о здоровье как о ресурсе для активной, полноценной жизни, а не как о самоцели. Так, В. В. Семикин и А. И. Анисимов [26] определяют целенаправленную субъектную активность как значимый фактор активизации ресурсов здоровья человека в контексте системы здравоохранения. Т. П. Будякова с соавторами [27], проводя анализ стратегий жизни в пожилом возрасте, утверждают, что человек в возрасте 55+ может выступать как субъект своего здоровья, способный ставить цели, выбирать средства и оценивать результаты. Д. М. Рогозин и А. А. Ченцова [28] на основании исследования, проведенного в июле 2024 года на базе Российского геронтологического научно-клинического центра, предлагают концепцию «мастеров здоровья» – особой категории пожилых людей, формирующих устойчивые практики заботы о себе и окружающих, ориентированных на здоровый образ старости и тяготеющих к ресурсной модели. Авторы подчеркивают, что в регламентированном представлении о здоровье теряется человеческое измерение, тогда как практики «мастеров здоровья» возвращают ему субъектность, превращая заботу о себе в осмысленную жизненную стратегию.

Образование в ресурсной модели нацелено не на трансляцию готовых «рецептов», а на развитие компетенций управления здоровьем в изменяющихся жизненных обстоятельствах. Как показывает исследование Д. П. Козачок, М. В. Корниловой, В. Н. Каменских [29], именно активная субъектная позиция и способность к самоорганизации людей серебряного возраста являются ключевыми факторами здорового образа жизни. Реализация ресурсной модели здоровьесбережения в серебряном возрасте может стать условием повышения качества жизни и фактором активного долголетия, которое рассматривается как философско-методологическое основание управления общественным здоровьем [30]. При этом переход от дефицитной к ресурсной модели здоровьесбережения требует не просто изменения содержания программ, но и трансформации самой философии здоровьесбережения – смещения фокуса с болезни на человека, с ограничений на возможности, что, в свою очередь, станет возможным благодаря образованию.

В классификации видов образования с точки зрения уровня их институционализации выделяются формальное, неформальное и информальное образование [31]. Неформальное образование в исследованиях Е. Ю. Щуровой [32], М. Н. Кичеровой и других [33] рассматривается как неотъемлемая часть непрерывного образования взрослых, а также, и это особенно значимо, оно характеризуется как «золотая середина»: неформальное образование организовано, но в отличие от формального – гибко и не предполагает жесткой сертификации; добровольно, но в отличие от информального – целенаправленно и практико-ориентировано. Исследование С. А. Курносковой и коллег [34], направленное на анализ образования как фактора удовлетворенности жизнью на пенсии, изучение практик обучения взрослых в России и за рубежом, проведенное А. Ю. Сувириной и другими учеными [35], показывают, что специфика неформального образования делает его наиболее предпочтительным для людей серебряного возраста.

Зарубежные исследования убедительно доказывают связь неформального образования (курсы, клубы, университеты третьего возраста) с активным долголетием. Й. Хестян с соавторами [36] в обзоре литературы, посвященной неформальному образовательному подходу к повышению качества жизни пожилых людей, акцентируют внимание на роли неформального образования в профилактике социальной изоляции и развитии значимых компетенций. Исследование влияния социализации

и образования пожилых взрослых на их когнитивные функции Б. Тари и коллег [37], а также изучение влияния среды и интеллектуальной активности на протяжении всей жизни, проведенное Л. Серра с соавторами [38], подтверждают, что образование и когнитивные тренировки способствуют сохранению когнитивного резерва и замедлению нейродегенеративных процессов. А. Заки аль-Хаззури с коллегами в обзоре «Образование в пожилом возрасте и здоровье: вызовы, возможности и перспективы» для ведущего международного медицинского журнала «Ланцет. Здоровое долголетие» (Lancet Healthy Longev), посвященного проблемам долголетия и здорового старения [39], обобщают данные о положительном влиянии обучения в пожилом возрасте на физическое и психическое здоровье.

Таким образом, представленный обзор отечественной и зарубежной литературы позволяет утверждать, что в современной педагогической науке сложились теоретические предпосылки для перехода от дефицитной к ресурсной модели здоровьесбережения людей серебряного возраста: разработаны принципы геррагогики, обоснована значимость неформального образования, выявлены ограничения традиционного медицинского подхода. Вместе с тем, как показано в нашей предыдущей работе [40], существующие практики неформального образования сталкиваются с рядом проблем, а целостная педагогическая концепция, рассматривающая неформальное образование в качестве системообразующего фактора активного долголетия, отсутствует.

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

Методологическую базу исследования составили системный подход, в котором здоровьесбережение рассматривается как целостная система взаимосвязанных компонентов; ресурсный подход, ориентированный на выявление и актуализацию потенциала личности в серебряном возрасте, и андрагогический подход, определяющий специфику обучения людей старшего возраста. В работе использован комплекс теоретических методов: теоретический анализ (для систематизации подходов к неформальному образованию и здоровьесбережению людей серебряного возраста); сравнительно-сопоставительный анализ (для выявления сходств и различий дефицитной и ресурсной моделей, а также для сравнения региональных программ); контент-анализ нормативно-правовых документов федерального уровня (Концепция демографической политики РФ (2007–2025) [41], Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года [42, 43], федеральный проект «Старшее поколение» (в составе национального проекта «Семья», 2025–2030) [44] и региональных программ («Московское долголетие», г. Москва [45], «Серебряный возраст», г. Санкт-Петербург [46]).

Анализ нормативно-правовых документов проводился по следующим критериям: зафиксированное в документах представление о здоровье, цель здоровьесберегающих мероприятий, роль образования, позиция человека и ожидаемый результат программ. Такой дизайн позволил описать типологию выявленных моделей (дефицитная, смешанная, ресурсная) и определить место образования в каждой из них. Особое внимание уделено анализу проекта «Серебряный возраст» в Санкт-Петербурге как проекту, демонстрирующему разрыв между декларируемыми целями и практической реализацией.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов по андрагогике, геррагогике, ресурсному подходу в геронтологии, а также результаты эмпирических исследований связи образования и активного долголетия. Всего в работе проанализировано 47 источников, включая нормативно-правовые документы, монографии, статьи из рецензируемых научных журналов (в том числе из перечня ВАК и международных баз данных).

Результаты исследования / Research results

Для проведения анализа существующих современных моделей здоровьесбережения людей серебряного возраста были взяты ключевые федеральные документы, отражающие стратегические приоритеты и нормативные основания государственной политики РФ в сфере здоровьесбережения и активного долголетия (Концепция демографической политики РФ (2007–2025), Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года, федеральный проект «Старшее поколение» (в составе национального проекта «Семья», 2025–2030) и региональные программы, отражающие реальные практики здоровьесбережения («Московское долголетие», г. Москва, «Серебряный возраст», г. Санкт-Петербург). Выбор региональных программ Москвы и Санкт-Петербурга обусловлен тем, что это действующие проекты, реализуемые в крупнейших городах РФ и отражающие разные модели здоровьесбережения. Программа «Московское долголетие» характеризуется развернутой образовательной инфраструктурой (в рамках программы организовано сотрудничество с 19 вузами, в настоящий момент реализуется более 300 образовательных программ). В проекте «Серебряный возраст» в Санкт-Петербурге на первом плане находится медицинская диагностика и организация досуговых мероприятий. Сопоставление этих двух типов практик позволило выявить ключевые различия в понимании роли образования в здоровьесбережении людей серебряного возраста. Сводные результаты представлены в таблице.

Результаты анализа моделей здоровьесбережения в федеральных документах и региональных программах

Документ / программа (модель)	Представление о здоровье и цель	Роль образования	Позиция человека и ожидаемый результат
Концепция демографической политики РФ (2007–2025)* – дефицитная	Здоровье – отсутствие болезней. Цель – компенсация утрат	Отсутствует	Объект. Результат – снижение заболеваемости
Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года – смешанная	Здоровье – отсутствие болезней. Цель – компенсация плюс профилактика	Информирование	Частично активный субъект. Результат – увеличение продолжительности здоровой жизни
Федеральный проект «Старшее поколение» (в составе национального проекта «Семья», 2025–2030) – ресурсная (декларируемая)	Здоровье – ресурс для активной жизни (декларируется). Цель – профилактика, сохранение когнитивного резерва, улучшение качества жизни	Когнитивные тренировки, обучение ЗОЖ, просветительские проекты	Субъект (в декларациях). Результат – увеличение продолжительности здоровой жизни, вовлечение в образовательные проекты (1,4 млн человек к 2030 году), в программы «Активное долголетие» – 41,9% к 2030 году
«Московское долголетие» (г. Москва) – ресурсная	Здоровье – ресурс. Цель – развитие потенциала	Ключевая роль	Субъект. Результат – самореализация, качество жизни
«Серебряный возраст» (г. Санкт-Петербург) – смешанная	Здоровье – отсутствие болезней. Цель – компенсация утрат, формирование нового стандарта жизни старшего поколения	Вторична	Объект/пациент. Результат – выявление заболеваний

*Документ утратил силу в 2025 году в связи с началом реализации новых национальных проектов, но включен в анализ для определения специфики дефицитной модели, ставшей основанием для перехода к ресурсному подходу.

Концепция демографической политики РФ (действовавшая до 2025 года) как стратегический документ федерального уровня отражает классическую дефицитную модель здоровьесбережения: содержащееся в тексте документа представление о здоровье связано в первую очередь с отсутствием болезней, цель здоровьесберегающей деятельности заключается в компенсации сниженных или утраченных психофизиологических и социальных функций человека старше 55 лет. Отметим, что этот подход коррелирует с моделью накопления дефицитов, описанной в гериатрии, в рамках которой старение и «хрупкость» человека оцениваются через количество накопленных отклонений, симптомов и функциональных ограничений [47]. Образование не рассматривается в документе как системный фактор здоровьесберегающей деятельности, человеку серебряного возраста определена пассивная позиция объекта медицинского и социального воздействия. Этот документ выступает в нашем анализе как условная точка отсчета, от которой далее происходит переход к другой, более эффективной модели здоровьесбережения.

Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года представляет смешанную модель здоровьесбережения, в которой доминирует медицинская составляющая: здоровье трактуется как отсутствие болезней, цель здоровьесберегающей деятельности – компенсация сниженных или утраченных психофизиологических функций, а также профилактика заболеваний и рисков. Важно, что в этом документе упоминается образование, но оно сводится к информированию. Стоит отметить, что в Стратегии-2030 человек уже не является пассивным объектом медицинских и социальных воздействий, как в дефицитной модели: его информируют о факторах риска, привлекают к участию в профилактических программах, учитывают его потребности. Но собственно субъектной позиции, предполагающей способность самостоятельно ставить цели в отношении здоровья, выбирать средства и оценивать результаты, для представителей старшего поколения не предполагается. Люди серебряного возраста рассматриваются в первую очередь как клиенты системы здравоохранения и получатели социальной защиты, их активность связана в первую очередь с выбором услуги, оформлением необходимых документов, собственно получением и оценкой оказанной медицинской или социальной услуги.

Федеральный проект «Старшее поколение» (в составе национального проекта «Семья», 2025–2030) декларирует ресурсную модель. Здоровье провозглашается ресурсом для активной жизни, приоритетное внимание уделяется профилактике когнитивных нарушений у лиц старшего возраста, в том числе через организацию мероприятий по сохранению и поддержанию когнитивного резерва. В этом проекте впервые в документах федерального уровня образование предстает не в виде эпизодического информирования, а как системный элемент, включающий образовательную активность разного уровня – когнитивные тренировки, обучение здоровому образу жизни, участие в просветительских проектах. Человек в проекте «Старшее поколение» обозначен как субъект здоровьесберегающей деятельности. Однако, как показывает анализ документа, это положение остается преимущественно декларируемым, реальный акцент здоровьесберегающей деятельности в рамках проекта сохраняется на медицинской диагностике и выявлении рисков, а не на формировании компетенций. Паспорт содержит конкретные количественные показатели (например, целевой показатель доли граждан старшего поколения, вовлеченных в региональные образовательные программы, должен увеличиться с 34,1% в 2025 году до 41,9% в 2030 году).

Это позволяет утверждать, что в федеральном проекте «Старшее поколение» образование впервые получает измеримые целевые ориентиры (численность участников образовательных проектов).

Значимые результаты дал анализ документов регионального уровня. Программа «Московское долголетие» представляет собой ресурсную модель, в которой образование играет ключевую роль. По данным мэра Москвы на апрель 2026 года, участниками программы стали более 740 тысяч человек. В городе открыто свыше 140 центров московского долголетия, предлагающих более 100 видов активностей. Здоровье в документах программы понимается как ресурс для активной жизни, образование предполагает работу с этим ресурсом. Образовательная составляющая проекта включает сотрудничество с ведущими вузами Москвы, в том числе РГХПУ им. С. Г. Строганова (более 6000 слушателей серебряного возраста), МГПУ («Серебряный университет», более 40 000 выпускников), РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева и другими. Особого внимания заслуживают курсы нейротренировки когнитивных навыков и нейрокоррекции психоэмоционального состояния, запущенные в рамках проекта. По состоянию на март 2026 года, обучение на указанных курсах прошли свыше 57 000 участников. По результатам занятий более 90% слушателей продемонстрировали измеримое улучшение памяти и мышления, а показатели внимания повысились у 98% участников. Это подтверждает эффективность образовательной деятельности в сфере здоровьесбережения людей серебряного возраста. Таким образом, «Московское долголетие» представляет собой реально функционирующую ресурсную модель, в которой образование играет ключевую роль, а человек занимает субъектную позицию, ориентированную на самореализацию и повышение качества жизни. При этом важно отметить, что в этой программе курсы по здоровому питанию и когнитивным тренировкам соседствуют с курсами иностранных языков и рукоделия, не образуя интегрированной системы.

Другой подход демонстрирует программа «Серебряный возраст», реализуемая в Санкт-Петербурге. Этот приоритетный проект губернатора города охватывает около 1,5 млн человек (26,5% населения города) и включает четыре направления: «Здоровье», «Спорт», «Образование» и «Досуг». Анализ содержания проекта показывает, что доминирующую роль в нем играет медицинская диагностика. В рамках направления «Здоровье» действует программа «Территория здоровья» – выездной центр медицинской профилактики в торговых центрах, где пожилые люди проходят инструментальную диагностику (УЗИ, доплерографию, проверку зрения). В городе также увеличены объемы лечения катаракты и слухопротезирования, открыт Центр женского здоровья. Образовательная составляющая проекта носит фрагментарный характер. Формально направление «Образование» представлено широко: согласно отчетам на май 2026 года, организованы курсы компьютерной грамотности, которые прошли свыше 38 000 человек, действуют курсы профессионального обучения (благодаря им более 1000 человек получили новую профессию), в городе реализуется проект «Серебряный университет» – система профессиональной переподготовки для жителей старшего поколения, где уже обучается более тысячи слушателей. В планах – создание сети «Серебряных центров» для образования, спорта и творчества к 2030 году. Однако необходимо отметить, что эти мероприятия не образуют системы и не связаны прямо со здоровьесберегающей деятельностью. Участие в указанных образовательных программах не формирует у человека компетенций самостоятельного управления здоровьем. Досуговая и спортивная активность также не интегрированы

с задачами здоровьесбережения: «Танцевальные веранды», бесплатное посещение музеев, спартакиада «Серебряный возраст» (более 2000 участников из 18 районов города) ориентированы на заполнение свободного времени и социализацию. При этом общий охват программами активного долголетия в Санкт-Петербурге составил в 2025 году около 870 000 человек.

Таким образом, в проекте «Серебряный возраст» человек находится в позиции объекта медицинского обслуживания (пациента, проходящего диагностику) и субъекта досуговой деятельности, но не подлинного субъекта управления собственным здоровьем. Образование не становится инструментом развития субъектности, а его связь со здоровьесбережением отсутствует.

Проведенный анализ ключевых федеральных документов в сфере здоровьесбережения и активного долголетия, а также региональных программ, отражающих реальные практики здоровьесбережения в Москве и Санкт-Петербурге, позволяет сделать следующие выводы. Концепция демографической политики РФ (утратила силу в 2025 году) может быть рассмотрена как условная исходная точка, фиксирующая дефицитную модель здоровьесбережения, а действующие в настоящее время федеральные и региональные документы демонстрируют тенденцию перехода от дефицитной к ресурсной модели. Этот переход выражается в том, что образование начинает играть все большую роль в проектировании и реализации моделей здоровьесбережения (сначала образование ограничивалось информированием, затем происходит переход к просвещению и обучению людей серебряного возраста на специально организованных курсах). Именно образование в рамках моделей здоровьесбережения обеспечивает переход от компенсации психофизиологических потерь к профилактике и развитию ресурсного потенциала, а также к утверждению субъектной позиции человека серебряного возраста. Ключевое ограничение федеральных документов заключается в том, что образование не рассматривается как системообразующий фактор: профилактика подменяет формирование здоровьесберегающих компетенций, а человек лишь номинально провозглашается активным субъектом. В документах регионального уровня обнаруживается существенный разрыв между декларациями и практической реализацией. Программа «Московское долголетие» основана на ресурсной модели, опирается на развитую образовательную инфраструктуру, однако образование в ней не связано системно со здоровьесбережением. Программа «Серебряный возраст» в Санкт-Петербурге демонстрирует смешанную модель с доминантой медицинской диагностики, в которой образование либо отсутствует, либо подменяется досуговыми форматами.

Таким образом, эмпирический анализ показал: образование не рассматривается как системообразующий фактор здоровьесбережения людей серебряного возраста ни в одном из проанализированных документов – ни на федеральном, ни на региональном уровне. Мы предполагаем, что эту функцию могло бы выполнять неформальное образование. Его ключевые характеристики: добровольность, опора на внутреннюю мотивацию, осознанный выбор, практико-ориентированность, гибкость, социальная поддержка и психологическая безопасность, обусловленная отсутствием жесткой сертификации – позволяют рассматривать его как потенциальный системообразующий механизм перехода от дефицитной к ресурсной модели. Этот переход предполагает смещение фокуса с компенсации утрат на развитие потенциала человека серебряного возраста, с пассивного получения диагностических и профилактических услуг – на активную субъектную позицию личности в вопросах собственного здоровья.

На основе проведенного анализа можно предложить концептуальную схему ресурсной модели здоровьесбережения, в которой неформальное образование выполняет системообразующую функцию. Это позволит создать теоретическую основу, которая требует дальнейшей разработки и практической проверки. Можно предположить, что в такую ресурсную модель должны быть включены четыре взаимосвязанных компонента: когнитивный компонент (система знаний о возрастных изменениях, факторах риска и способах профилактики, причем эти знания конструируются самим обучающимся взрослым с опорой на его личный опыт), деятельностный компонент (развитие практических компетенций управления здоровьем, например, контроль давления, питание, организация физической активности, когнитивных тренировок), социальный компонент (организация поддерживающей среды, установление горизонтальных связей, взаимопомощь, профилактика социальной изоляции), смысловой компонент (связанный с поиском ответов на экзистенциальные запросы, формированием позитивной идентичности и внутренней мотивации). Неформальное образование в данной модели организует взаимодействие всех четырех компонентов, оно выступает не как отдельное направление работы (наряду с медициной или социальной помощью), а как интегративный механизм, запускающий и поддерживающий процессы здоровьесбережения. Механизм реализации ресурсной модели можно представить как циклический процесс, последовательно включающий мотивацию, обучение в безопасной среде, пробу и применение полученных знаний в повседневной жизни, рефлексия и, наконец, формирование субъектной позиции. Замкнутость этого цикла обуславливает саморазвивающийся характер модели, так как каждая освоенная компетенция становится источником нового образовательного запроса.

Предлагаемая схема ресурсной модели здоровьесбережения исходит из иной логики, чем федеральные и региональные документы и программы, анализ которых был проведен выше. Если в дефицитной модели (Концепция демографической политики) образование отсутствует как системный фактор, то в предлагаемой нами ресурсной модели неформальное образование занимает центральное место. В смешанной модели здоровьесбережения (например, в Стратегии-2030) образование сводится к информированию, а в предлагаемой нами ресурсной модели оно ориентировано на формирование компетенций в области здоровьесбережения. Если в программе «Серебряный возраст» (Санкт-Петербург) образование подменяется досугом, то в ресурсной модели оно может стать инструментом развития субъектности. Мы предполагаем, что неформальное образование может стать системообразующим фактором ресурсной модели здоровьесбережения людей серебряного возраста. Дальнейшие исследования будут направлены на уточнение и содержательное наполнение предложенных компонентов, разработку диагностического инструментария и эмпирическую апробацию модели.

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование было направлено на педагогическое обоснование ресурсной модели здоровьесбережения людей серебряного возраста, в которой неформальное образование выступает системообразующим фактором активного долголетия. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы, а также изучения федеральных документов и региональных программ сделан вывод о том, что в современной российской практике здоровьесбережение людей серебряного возраста строится преимущественно на дефицитной или смешанной логике: здоровье трактуется как отсутствие болезней, цель организации здоровьесберегающей деятельности – компенсация

утраченных психофизиологических функций, образование либо отсутствует, либо сводится к информированию или досугу. Человек в этих моделях занимает позицию объекта или частично активного клиента, но не активного субъекта, управляющего своим здоровьем. При этом в документах федерального и регионального уровней можно отметить переход к ресурсной модели. Новые документы (в частности, федеральный проект «Старшее поколение», региональные программы) декларируют ресурсное понимание здоровья и вводят образовательные компоненты (когнитивные тренировки, обучение элементам здорового образа жизни) в программы здоровьесбережения, ориентированы на развитие образовательной инфраструктуры. Однако даже в этом случае нет системной связи образования и здоровьесбережения, человек лишь номинально провозглашается субъектом здоровьесберегающей деятельности. Таким образом, переход к ресурсной модели остается незавершенным, а системообразующая роль образования не реализуется. В то же время неформальное образование благодаря своим характеристикам (добровольность, практико-ориентированность, групповой формат, гибкость, психологическая безопасность) способно обеспечить развитие субъектной позиции человека серебряного возраста в отношении собственного здоровья. Богатый потенциал неформального образования позволяет рассматривать его в качестве системообразующего фактора активного долголетия.

На основе проведенного теоретического и эмпирического анализа предложена концептуальная схема ресурсной модели здоровьесбережения, в которой неформальное образование выполняет системообразующую функцию. Модель включает когнитивный, деятельностный, социальный и смысловой компоненты. Предполагается, что реализация модели возможна как циклический процесс, включающий мотивацию, обучение, применение, рефлекссию и становление субъектной позиции. Показано отличие предлагаемой модели от логики существующих документов и программ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением и содержательным наполнением предложенных компонентов, разработкой диагностического инструментария для оценки субъектной позиции и эмпирической апробацией модели в реальных образовательных программах для людей серебряного возраста.

Ссылки на источники / References

1. Старение и здоровье: информационный бюллетень // Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. – 2025. – 30 сент. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>
2. Варфоломеева В. А. Человеческий капитал «серебряного» возраста // Путеводитель предпринимателя. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 77–82. – DOI: 10.24182/2073-9885-2026-19-1-77-82. – URL: <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2026-19-1-77-82>
3. Серебряный возраст – 2026: исследование / СберМаркетинг. – М., 2026. – URL: <https://sbermarketing.ru/>
4. Арстангалиева З. Ж., Чернышкова Е. В. Медико-социологическая оценка стратегий здоровьесбережения пожилых людей // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2015. – Т. 5, № 4. – С. 297–298. – URL: <http://medconfer.com/files/archive/2015-04/2015-04-2164-A-5118.pdf>
5. Ермилова А. В., Курникова М. В., Иосько Н. В. Особенности реализации социальных проектов для лиц пожилого возраста, направленных на их здоровьесбережение (на примере Нижегородской области) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2026. – № 2 (101). – С. 77–86. – DOI: 10.69571/SSPU.2026.101.2.007. – URL: <https://doi.org/10.69571/SSPU.2026.101.2.007>
6. Бесчасная А. А. Ресурсы «серебряного возраста»: от проблем к решению // Социология управления: актуальные вопросы современности: материалы конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. – С. 83–88.
7. Education and learning for active aging: promising practices and findings from the Age-It Research Program / V. Boffo, M. Bertani, D. Bramanti, R. Chattat, L. Formenti // The Journals of Gerontology: Series B. – 2025. – Vol. 80, Suppl. 2. – P. S212–S221. – DOI: 10.1093/geronb/gbaf175. – URL: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaf175>

8. Narushima M., Liu J., Diestelkamp N. Lifelong learning in older adults: a systematic review of the evidence on its health benefits // *Aging & Mental Health*. – 2018. – Vol. 22, No. 4. – P. 439–448. – DOI: 10.1080/13607863.2017.1360844. – URL: <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1360844>
9. Гаврилова С. А. Синтез геронтологии и педагогического дизайна при выборе тактик взаимодействия с обучающимися «серебряного возраста» // *Педагогика и психология образования*. – 2025. – № 3. – С. 19–35. – DOI: 10.31862/2500-297X-2025-3-19-35. – URL: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2025-3-19-35>
10. Иванова М. Е. Образование «третьего возраста» как социальный институт ресоциализации: зарубежный и отечественный опыт // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2022. – № 7. – С. 51–58. – DOI: 10.23672/e0449-3753-0068-p. – URL: <https://doi.org/10.23672/e0449-3753-0068-p>
11. Алешина М. Ю. Интерпретация понятия «серебряный возраст» в медиасфере // *Лига исследователей МГПУ*. – 2022. – С. 209–217.
12. Виноградова Н. Л., Леонтьева Е. Ю. Серебряный возраст – ресоциализация и десоциализация // *Primo aspectu*. – 2025. – № 3 (63). – С. 19–25. – DOI: 10.35211/2500-2635-2025-3-63-19-25. – URL: <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2025-3-63-19-25>
13. Puyuelo A. La Silver Age: una aproximación // *Tradebike*. – 2024. – № 92. – URL: <https://www.tradebike.es/Articulos/576803-La-Silver-Age-una-aproximacion.html>
14. Обзор рынка труда и заработных плат в России 2025/26. – URL: <https://www.solidarnost.org/articles/stariki-naemniki.html>
15. Змеев С. И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых: монография. – 3-е изд. – М.: ПЕР СЭ, Ай Пи Ар Медиа, 2024. – 272 с.
16. Гордина О. В. Обучение человека третьего возраста: специфика и проблемы // *Сормовские чтения – 2026: векторы развития образования: практики, качество, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 13 февр. 2026 г.)* / редкол.: В.М. Гребенникова [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2026. – С. 393–395.
17. Мухлаева Т. В. Андрагогика, классика и современность: анализ корпуса литературы // *Человек и образование*. – 2025. – № 1 (82). – С. 44–54. – DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-44-54. – URL: <https://doi.org/10.54884/1815-7041-2025-82-1-44-54>
18. Enhancing Self-Management through Geragogy-Based Education in Older Adults with Uncontrolled Hypertension: A Randomized Controlled Trial / K. Ongkulna, L. Pothiban, S. Panuthai, R. Chintanawat // *Pacific Rim International Journal of Nursing Research*. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 690–705. – URL: <https://he02.tci-thaijo.org/index.php/PRIJNR/article/view/259276>
19. Ярская-Смирнова Е. Р., Присяжнюк Д. И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 168–181. – DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>
20. Киселева Л. С. Геронтообразование как инструмент активации ресурсов пожилого человека // *Научные труды Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы: доклады XX междунар. науч.-практ. конф. по вопросам социальной политики (Санкт-Петербург, 01 дек. 2022 г.)*. – СПб.: Скифия-принт, 2023. – С. 42–46.
21. Zohar A., Shavit Y. Z. Bridging geragogy and pedagogy: Towards a learning-sciences-based approach to older adults' education // *Educational Gerontology*. – 2025. – P. 1–19. – DOI: 10.1080/03601277.2025.2569386. – URL: <https://doi.org/10.1080/03601277.2025.2569386>
22. Черезова Н. С., Матушанский Г. У. Обучение лиц пожилого возраста как социально-педагогическая проблема // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2022. – № 3 (116). – С. 231–238.
23. Rogan S., Luijckx E. Reframing Frailty, Falls, and Sarcopenia: A Marxist-Informed Analysis of Deficit-Oriented Geriatrics and a Resource Roadmap for Healthy Ageing in Health Professionals // *F1000Research*. – 2026. – Vol. 15. – Article 512. – DOI: 10.12688/f1000research.178827.1. – URL: <https://doi.org/10.12688/f1000research.178827.1>
24. Morgan A., Ziglio E. Revitalising the evidence base for public health: an assets model // *Promotion & Education*. – 2007. – Suppl. 2. – P. 17–22. – DOI: 10.1177/10253823070140020701x. – URL: <https://doi.org/10.1177/10253823070140020701x>
25. Сергеева Т. Б., Глуханюк Н. С., Борисов Г. И. Личностная ресурсность человека в позднем возрасте // *Перспективы науки и образования*. – 2023. – № 6 (66). – С. 480–501. – DOI: 10.32744/pse.2023.6.28. – URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.28>
26. Семикин В. В., Анисимов А. И. Целенаправленная субъектная активность как фактор активизации ресурсов здоровья человека в контексте системы здравоохранения // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. – 2023. – Т. 45. – С. 55–69. – DOI: 10.26516/2304-1226.2023.45.55. – URL: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.45.55>
27. Будякова Т. П., Пронина А. Н., Антипина Е. А. Стратегии жизни в пожилом возрасте // *Психология и Психотехника*. – 2024. – № 2. – С. 98–113. – DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70478. – URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2024.2.70478>

28. Рогозин Д. М., Ченцова А. А. Мастера здоровья, или кто формирует здоровый образ старости // Журнал исследований социальной политики. – 2025. – Т. 23, № 2. – С. 213–232. – DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-213-232. – URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-2-213-232>
29. Kozachok D. P., Kornilova M. V., Kamenskih V. N. Самоорганизация пожилых как системообразующий фактор активного долголетия // DISCOURSE. – 2024. – Т. 10, № 6. – С. 40–60. – DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60. – URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60>
30. Философско-методологические основания управления общественным здоровьем: здоровое и активное долголетие: монография / под ред. Е. В. Егорова, Е. М. Разумовской, Л. А. Тутова. – М.: МАКС Пресс, 2024. – 136 с.
31. Классификация видов образования на основании уровня их институционализации / Ван Лянцэнь, А. В. Бубенчикова, Н. Ю. Фоминых, Т. А. Андреева, С. А. Колода // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 12. – С. 203–208. – DOI: 10.24412/2587-8328-2022-12-203-208. – URL: <https://doi.org/10.24412/2587-8328-2022-12-203-208>
32. Щурова Е. Ю. Современные формы реализации неформального образования взрослых в условиях образовательной среды города // Педагогическая наука и современное образование. – 2022. – С. 102–104.
33. Кичерова М. Н., Трифонова И. С. Неформальное образование: обзор современных исследований // Образование и наука. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 46–67. – DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-46-67. – URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-46-67>
34. Образование как фактор удовлетворенности жизнью на пенсии / С. А. Курносова, И. А. Трушина, А. Ю. Телицына, Ю. В. Честюнина, Е. В. Забелина // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 31–46. – DOI: 10.17759/pse.2024290103. – URL: <https://doi.org/10.17759/pse.2024290103>
35. Практики обучения взрослых в России и за рубежом / А. Ю. Сувирова, Д. П. Ананин, С. М. Лесин, Н. Н. Шевелева, М. М. Шалашова // Преподаватель XXI век. – 2025. – № 1-1. – С. 18–38. – DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-18-38. – URL: <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2025-1-18-38>
36. Geragogy as a nonformal educational approach to enhance quality of life for the elderly: a literature review / Y. Hestyan, A. P. Hestyan, S. Mardiyah, S. F. Susanto // EduLine: Journal of Education and Learning Innovation. – 2025. – Vol. 5, No. 1. – P. 188–194. – DOI: 10.35877/454RI.eduline3624. – URL: <https://doi.org/10.35877/454RI.eduline3624>
37. Tari B., Künzi M., Raymont V. Call up the (cognitive) reserves: how adult socialisation and education influences cognition in the UK Biobank // Frontiers in Psychology. – 2025. – Vol. 16. – DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1542282. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1542282>
38. Shaping the cognitive reserve: the role of lifelong enrichment and education in the Alzheimer's disease continuum / L. Serra, S. Bonarota, C. Di Domenico et al. // Frontiers in Aging Neuroscience. – 2026. – DOI: 10.3389/fnagi.2026.1736047. – URL: <https://doi.org/10.3389/fnagi.2026.1736047>
39. Education in older age and health: challenges, opportunities and prospects / A. Zeki Al Hazzouri, M. Elbejjani, M. A. Shahin, R. Sadana, A. M. Sibai // The Lancet Healthy Longevity. – 2021. – Vol. 2, No. 10. – P. e613–e614. – DOI: 10.1016/S2666-7568(21)00207-5. – URL: [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(21\)00207-5](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(21)00207-5)
40. Родионова В. А. Проблемы реализации неформального образования взрослых в области здоровьесбережения // Современные проблемы науки и образования. – 2026. – № 2. – DOI: 10.17513/spno.34486. – URL: <https://doi.org/10.17513/spno.34486>
41. О Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014). – URL: <http://government.ru/docs/all/61461/>
42. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 07.04.2025 № 830-р. – URL: <http://government.ru/news/54753>
43. План мероприятий по реализации Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 07.04.2025 № 830-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9MRtnEK8CusrIJ4PA0Hsl6glemwxqmPO.pdf>
44. Паспорт федерального проекта «Старшее поколение»: утв. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-starshee-pokolenie-utv-mintrudom/>
45. Московское долголетие: официальный портал мэра Москвы. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/moscow-longevity/>
46. Приоритетный проект «Серебряный возраст» // СПБ ГАУ «Центр трудовых ресурсов»: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://spbgauctr.ru/tpost/96rjkihtd1-prioritetnii-proekt-serebryanii-vozrast>
47. Проблемы хрупкости в современной гериатрии и неврологии / Ю. К. Комлева, А. Б. Салмина, К. А. Шпилюкова и др. // Российский неврологический журнал. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 4–15. – DOI: 10.30629/2658-7947-2025-30-1-4-15. – URL: <https://doi.org/10.30629/2658-7947-2025-30-1-4-15>

1. (2025). "Starenie i zdorov'e: informacionnyj byulleten" [Ageing and health: fact sheet], *Vsemirnaya organizaciya zdavoohraneniya: oficial'nyj sajт*, 30 sent. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (in Russian).
2. Varfolomeeva, V. A. (2026). "Chelovecheskij kapital "serebryanogo" vozrasta" [Human capital of the "silver" age], *Putevoditel' predprinimatel'ya*, t. 19, № 1, pp. 77–82. DOI: 10.24182/2073-9885-2026-19-1-77-82. Available at: <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2026-19-1-77-82> (in Russian).
3. (2026). *Serebryanyj vozrast – 2026: issledovanie* [The Silver Age – 2026: A Study], SberMarketing, Moscow. Available at: <https://sbermarketing.ru/>
4. Arstangalieva, Z. Zh., & Chernyshkova, E. V. (2015). "Mediko-sociologicheskaya ocenka strategij zdorov'esbere-zheniya pozhilyh lyudej" [Medico-sociological assessment of health-preserving strategies for the elderly], *Byullet-en' medicinskih Internet-konferencij*, t. 5, № 4, pp. 297–298. Available at: <http://medconfer.com/files/archive/2015-04/2015-04-2164-A-5118.pdf> (in Russian).
5. Ermilova, A. V., Kurnikova, M. V., & Ios'ko, N. V. (2026). "Osobennosti realizacii social'nyh proektov dlya lic pozhi-logo vozrasta, napravlennyh na ih zdorov'esbere-zhenie (na primere Nizhegorodskoj oblasti)" [Specifics of Imple-menting Health-Promoting Social Projects for the Elderly (A Case Study of the Nizhny Novgorod Region)], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, № 2 (101), pp. 77–86. DOI: 10.69571/SSPU.2026.101.2.007. Available at: <https://doi.org/10.69571/SSPU.2026.101.2.007> (in Russian).
6. Beschasnaya, A. A. (2025). "Resursy "serebryanogo vozrasta": ot problem k resheniyu" [Resources for the "Silver Age": From Problems to Solutions], *Sociologiya upravleniya: aktual'nye voprosy sovremennosti: materialy konfer-encii*, St. Petersburg Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, pp. 83–88 (in Russian).
7. Boffo, V. et al. (2025). "Education and learning for active aging: promising practices and findings from the Agelt Research Program", *The Journals of Gerontology: Series B*, vol. 80, suppl. 2, pp. S212–S221. DOI: 10.1093/geronb/gbaf175. Available at: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaf175> (in English).
8. Narushima, M., Liu, J., & Diestelkamp, N. (2018). "Lifelong learning in older adults: a systematic review of the evidence on its health benefits", *Aging & Mental Health*, vol. 22, no. 4, pp. 439–448. DOI: 10.1080/13607863.2017.1360844. Available at: <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1360844> (in English).
9. Gavrilova, S. A. (2025). "Sintez gerontologii i pedagogicheskogo dizajna pri vybore taktik vzaimodejstviya s obuchayushchimisya "serebryanogo vozrasta" [Synthesizing Gerontology and Instructional Design When Selecting Interaction Strategies with "Silver-Age" Learners], *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*, № 3, pp. 19–35. DOI: 10.31862/2500-297X-2025-3-19-35. Available at: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2025-3-19-35> (in Russian).
10. Ivanova, M. E. (2022). "Obrazovanie "tret'ego vozrasta" kak social'nyj institut resocializacii: zarubezhnyj i otech-estvennyj opyt" [The Education of the "Third Age" as a Social Institution of Resocialization: Foreign and Domestic Experience], *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, № 7, pp. 51–58. DOI: 10.23672/e0449-3753-0068-p. Available at: <https://doi.org/10.23672/e0449-3753-0068-p> (in Russian).
11. Aleshina, M. Yu. (2022). "Interpretaciya ponyatiya "serebryanyj vozrast" v mediasfere" [Interpretation of the Con-cept of "Silver Age" in the Media Sphere], *Liga issledovatelej MGPU*, pp. 209–217 (in Russian).
12. Vinogradova, N. L., & Leont'eva, E. Yu. (2025). "Serebryanyj vozrast – resocializaciya i desocializaciya" [The Silver Age: Resocialization and Desocialization], *Primo aspectu*, № 3 (63), pp. 19–25. DOI: 10.35211/2500-2635-2025-3-63-19-25. Available at: <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2025-3-63-19-25> (in Russian).
13. Puyuelo, A. (2024). "La Silver Age: una aproximación" [The Silver Age: An Overview], *Tradebike*, № 92. Available at: <https://www.tradebike.es/Articulos/576803-La-Silver-Age-una-aproximacion.html> (in Spanish).
14. *Obzor rynka truda i zarabotnyh plat v Rossii 2025/26* [Overview of the Labor Market and Wages in Russia 2025/26]. Available at: <https://www.solidarnost.org/articles/stariki-naemniki.html> (in Russian).
15. Zmeev, S. I. (2024). *Andragogika: osnovy teorii, istorii i tekhnologii obucheniya vzroslyh* [Andragogy: Fundamentals of the The-ory, History, and Technology of Adult Education]: monografiya, 3-e izd, PER SE, Aj Pi Ar Media, Moscow, 272 p. (in Russian).
16. Gordina, O. V. (2026). "Obuchenie cheloveka tret'ego vozrasta: specifika i problemy" [Education for Older Adults: Specifics and Challenges], *Sormovskie chteniya – 2026: vektory razvitiya obrazovaniya: praktiki, kachestvo, perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar, 13 fevr. 2026 g.)*, ID "Sreda", Cheboksary, pp. 393–395 (in Russian).
17. Muhlaeva, T. V. (2025). "Andragogika, klassika i sovremennost': analiz korpusa literatury" [Andragogy, Classics, and Mo-dernity: An Analysis of the Literature Corpus], *Chelovek i obrazovanie*, № 1 (82), pp. 44–54. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-44-54. Available at: <https://doi.org/10.54884/1815-7041-2025-82-1-44-54> (in Russian).
18. Ongkulna, K. et al. (2022). "Enhancing Self-Management through Geragogy-Based Education in Older Adults with Un-controlled Hypertension: A Randomized Controlled Trial", *Pacific Rim International Journal of Nursing Research*, vol. 26, no. 4, pp. 690–705. Available at: <https://he02.tci-thaijo.org/index.php/PRIJNR/article/view/259276> (in English).
19. Yarskaya-Smirnova, E. R., & Prisyazhnyuk, D. I. (2025). "Serebryanaya ekosistema obrazovaniya v interesah starshego pokoleniya" [Silver education ecosystem for the older generation], *Vestnik Rossijskogo universiteta dru-zhby narodov. Seriya: Sociologiya*, t. 25, № 1, pp. 168–181. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181. Availa-ble at: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181> (in Russian).

20. Kiseleva, L. S. (2023). "Gerontoobrazovanie kak instrument aktivatsii resursov pozhilogo cheloveka" [Geronto-education as a tool for activating the resources of the elderly], *Nauchnye trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty: doklady XX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po voprosam social'noj politiki (Sankt-Peterburg, 01 dek. 2022 g.)*, Skifiya-print, St. Petersburg, pp. 42–46 (in Russian).
21. Zohar, A., & Shavit, Y. Z. (2025). "Bridging geragogy and pedagogy: Towards a learning-sciences-based approach to older adults' education", *Educational Gerontology*, pp. 1–19. DOI: 10.1080/03601277.2025.2569386. Available at: <https://doi.org/10.1080/03601277.2025.2569386> (in English).
22. Cherezova, N. S., & Matushanskij, G. U. (2022). "Obuchenie lic pozhilogo vozrasta kak social'no-pedagogicheskaya problema" [The Education of Older Adults as a Socio-Pedagogical Issue], *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, № 3 (116), pp. 231–238 (in Russian).
23. Rogan, S., & Luijckx, E. (2026). "Reframing Frailty, Falls, and Sarcopenia: A Marxist-Informed Analysis of Deficit-Oriented Geriatrics and a Resource Roadmap for Healthy Ageing in Health Professionals", *F1000Research*, vol. 15, Article 512. DOI: 10.12688/f1000research.178827.1. Available at: <https://doi.org/10.12688/f1000research.178827.1> (in English).
24. Morgan, A., & Ziglio, E. (2007). "Revitalising the evidence base for public health: an assets model", *Promotion & Education*, Suppl. 2, pp. 17–22. DOI: 10.1177/10253823070140020701x. Available at: <https://doi.org/10.1177/10253823070140020701x> (in English).
25. Sergeeva, T. B., Gluhanyuk, N. S., & Borisov, G. I. (2023). "Lichnostnaya resursnost' cheloveka v pozdnem vozraste" [Personal resourcefulness in late adulthood], *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, № 6 (66), pp. 480–501. DOI: 10.32744/pse.2023.6.28. Available at: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.28> (in Russian).
26. Semikin, V. V., & Anisimov, A. I. (2023). "Celenapravleniya sub"ektnaya aktivnost' kak faktor aktivizatsii resursov zdorov'ya cheloveka v kontekste sistemy zdravoohraneniya" [Goal-oriented agent activity as a factor in mobilizing human health resources within the healthcare system context], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, t. 45, pp. 55–69. DOI: 10.26516/2304-1226.2023.45.55. Available at: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.45.55> (in Russian).
27. Budyakova, T. P., Pronina, A. N., & Antipina, E. A. (2024). "Strategii zhizni v pozhilom vozraste" [Strategies for Living in Old Age], *Psihologiya i Psihotekhnika*, № 2, pp. 98–113. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70478. Available at: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2024.2.70478> (in Russian).
28. Rogozin, D. M., & Chencova, A. A. (2025). "Mastera zdorov'ya, ili kto formiruet zdorovyy obraz starosti" [Masters of Health, or Who Shapes a Healthy Old Age], *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, t. 23, № 2, pp. 213–232. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-213-232. Available at: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-2-213-232> (in Russian).
29. Kozachok, D. P., Kornilova, M. V., & Kamenskih, V. N. (2024). "Samoorganizatsiya pozhilykh kak sistemoobrazuyushchij faktor aktivnogo dolgoletiya" [Self-organization of the elderly as a key factor in active longevity], *DISCOURSE*, t. 10, № 6, pp. 40–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60. Available at: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60> (in Russian).
30. 2024 (.). *Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya upravleniya obshchestvennym zdorov'em: zdorovoe i aktivnoe dolgoletie* [Philosophical and Methodological Foundations of Public Health Management: Healthy and Active Longevity]: monografiya, MAKS Press, Moscow, 136 p. (in Russian).
31. Van Lyancen' et al. (2022). "Klassifikatsiya vidov obrazovaniya na osnovanii urovnya ih institucionalizatsii" [Classification of education types based on their institutionalization level], *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, № 12, pp. 203–208. DOI: 10.24412/2587-8328-2022-12-203-208. Available at: <https://doi.org/10.24412/2587-8328-2022-12-203-208> (in Russian).
32. Shchurova, E. Yu. (2022). "Sovremennye formy realizatsii neformal'nogo obrazovaniya vzroslykh v usloviyakh obrazovatel'noj sredy goroda" [Modern forms of implementing non-formal adult education within the urban educational environment], *Pedagogicheskaya nauka i sovremennoe obrazovanie*, pp. 102–104 (in Russian).
33. Kicherova, M. N., & Trifonova, I. S. (2023). "Neformal'noe obrazovanie: obzor sovremennykh issledovaniy" [Non-formal education: an overview of contemporary research], *Obrazovanie i nauka*, t. 25, № 2, pp. 46–67. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-46-67. Available at: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-46-67> (in Russian).
34. Kurnosova, S. A. et al. (2024). "Obrazovanie kak faktor udovletvorennosti zhizn'yu na pensii" [Education as a factor in life satisfaction during retirement], *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, t. 29, № 1, pp. 31–46. DOI: 10.17759/pse.2024290103. Available at: <https://doi.org/10.17759/pse.2024290103> (in Russian).
35. Suvirova, A. Yu. et al. (2025). "Praktiki obucheniya vzroslykh v Rossii i za rubezhom" [Adult Education Practices in Russia and Abroad], *Prepodavatel' XXI vek*, № 1-1, pp. 18–38. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-18-38. Available at: <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2025-1-18-38> (in Russian).
36. Hestyan, Y. et al. (2025). "Geragogy as a nonformal educational approach to enhance quality of life for the elderly: a literature review", *EduLine: Journal of Education and Learning Innovation*, vol. 5, no. 1, pp. 188–194. DOI: 10.35877/454RI.eduline3624. Available at: <https://doi.org/10.35877/454RI.eduline3624> (in English).

37. Tari, B., Künzi, M., & Rayment, V. (2025). "Call up the (cognitive) reserves: how adult socialisation and education influences cognition in the UK Biobank", *Frontiers in Psychology*, vol. 16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1542282. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1542282> (in English).
38. Serra, L. et al. (2026). "Shaping the cognitive reserve: the role of lifelong enrichment and education in the Alzheimer's disease continuum", *Frontiers in Aging Neuroscience*. DOI: 10.3389/fnagi.2026.1736047. Available at: <https://doi.org/10.3389/fnagi.2026.1736047> (in English).
39. Zeki Al Hazzouri, A. et al. (2021). "Education in older age and health: challenges, opportunities and prospects", *The Lancet Healthy Longevity*, vol. 2, no. 10, pp. e613–e614. DOI: 10.1016/S2666-7568(21)00207-5. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(21\)00207-5](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(21)00207-5) (in English).
40. Rodionova, V. A. (2026). "Problemy realizacii neformal'nogo obrazovaniya vzroslyh v oblasti zdorov'esberezheniya" [Challenges in Implementing Non-Formal Adult Education in the Field of Health Preservation], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, № 2. DOI: 10.17513/spno.34486. Available at: <https://doi.org/10.17513/spno.34486> (in Russian).
41. *O Konceptii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351* [On the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 dated October 9, 2007] (red. ot 01.07.2014). Available at: <http://government.ru/docs/all/61461/> (in Russian).
42. *Ob utverzhdenii Strategii dejstvij v interesah grazhdan starshego pokoleniya v Rossijskoj Federacii do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 07.04.2025 № 830-r* [On Approval of the Strategy of Action in the Interests of Older Citizens in the Russian Federation through 2030: Directive of the Government of the Russian Federation No. 830-p dated April 7, 2025]. Available at: <http://government.ru/news/54753> (in Russian).
43. *Plan meropriyatij po realizacii Strategii dejstvij v interesah grazhdan starshego pokoleniya v Rossijskoj Federacii do 2030 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 07.04.2025 № 830-r* [Action Plan for Implementing the Strategy of Action for Older Citizens in the Russian Federation through 2030: approved by Directive of the Government of the Russian Federation No. 830-p dated April 7, 2025]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9MRtnEK8CusrIJ4PA0Hsl6glemwxqmPO.pdf> (in Russian).
44. *Pasport federal'nogo proekta "Starshee pokolenie": utv. Ministerstvom truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii* [Passport of the "Older Generation" federal project: approved by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-starshee-pokolenie-utv-mintrudom/> (in Russian).
45. *Moskovskoe dolgoletie: oficial'nyj portal mera Moskvy* [Moscow Longevity: Official Portal of the Mayor of Moscow]. Available at: <https://www.mos.ru/city/projects/moscow-longevity/> (in Russian).
46. (2025). "Prioritetnyj proekt "Serebryanyj vozrast" ["Silver Age" Priority Project], *SPb GAU "Centr trudovyh resursov": oficial'nyj sajт*. Available at: <https://spbgauctr.ru/tpost/96rjkihtd1-prioritetnii-proekt-serebryanii-vozrast> (in Russian).
47. Komleva, Yu. K. et al. (2025). "Problemy hrupkosti v sovremennoj geriatrii i nevrologii" [Issues of Frailty in Modern Geriatrics and Neurology], *Rossijskij nevrologicheskij zhurnal*, t. 30, № 1, pp. 4–15. DOI: 10.30629/2658-7947-2025-30-1-4-15. Available at: <https://doi.org/10.30629/2658-7947-2025-30-1-4-15> (in Russian).